Джон Квестус считал себя разумным человеком.

Он был реалистом, об этом можно было уверенно сказать. Он был умен. Он был быстр. Он знал множество заклинаний и был прекрасным дуэлянтом. Прямо-таки блестящим. И это не было высокомерием, это было правдой.

Но когда он думал о Ремусе Люпине, мир переставал казаться разумным. И Квестус ненавидел это. Разумные миры были его любимыми.

В этом мальчике не было ничего особенного. Чрезмерно чувствителен, да. Временами раздражает. Склонен извиняться по пустякам. Несколько эгоцентричен. В общем, он был из тех людей, от которых Квестус старался держаться подальше. (Дамблдор сказал, что Квестус, как учитель, не должен был любить какого-то ученика больше или меньше, чем другого... но это была чепуха). Если бы обстоятельства сложились иначе, то Квестус не стал бы так или иначе заботиться о Ремусе Люпине. Даже не подумал бы о нем.

Но Квестус, который сам дуэлировал с Фенриром Грейбэком, который сталкивался с десятками оборотней, который видел, как люди умирали от рук этих зверей, и видел опасность, которую они представляли, никогда раньше не думал, что ребенок может быть оборотнем. Он, конечно, догадывался об этом в своей голове. Но эта мысль не приходила в голову, пока он не увидел, как мальчик Люпина подошел к Распределяющей шляпе и сел на свое место. Квестус сознательно произнес слова о том, что этот ребенок - оборотень, и они показались ему невероятными. Ему и сейчас было трудно в это поверить.

Этот мальчик, болезненно худой и нервный, с каштановыми волосами, ореховыми глазами и в огромной мантии, мог превратиться в настоящее чудовище. Это было немыслимо, правда, и Квестус, у которого в жизни было принято думать о немыслимом, не мог этого вынести. Кроме того, ему было ужасно любопытно.

Квестус часами рассматривал редкие фотографии оборотней, вглядываясь в каждую их черточку и пытаясь увидеть Ремуса Люпина. Он не мог. Мальчик, чьи волосы всегда были аккуратно расчесаны и достаточно длинны, чтобы слегка прикрывать глаза, не мог иметь густой, матовый мех раз в месяц. Ребенок, который был слишком худым для своего возраста, не мог вырасти крупнее среднего мужчины. Этот застенчивый и относительно умный волшебник не мог фантазировать об убийстве людей во время полнолуния и ранить себя ненасытной жаждой крови. Это не имело смысла.

Как это произошло? Где прятался монстр внутри Ремуса Люпина? Что вообще представлял собой этот ребенок? Он ничего не понимал.

Он пытался разобраться в этом, но даже после долгих часов исследований и догадок, он просто не мог этого сделать. А что пытался выяснить Квестус? Он не знал. Он просто чувствовал это врожденное желание - его слизеринские амбиции выходили наружу - понять. Он не знал почему. Это было похоже на зуд, который он просто не мог почесать - такой зуд, который чешут до тех пор, пока кожа не станет красным и болезненным, но он все равно чешется, что

бы он ни делал... и теперь, когда он начал его чесать, он просто не мог остановиться.

Это амбиции Слизерина, твердил он себе. Я уже придумал себе цель, и как бы я сам ее не понимал, я должен ее достигнуть. У меня нет другого выбора.

А Квестус даже не любил Люпина. Очень, очень не нравился он ему. Дамблдор настаивал на том, чтобы Квестус извинился за то, что строго отчитал его после урока в тот первый день (это было смешно), а Дамблдор умолял помочь ребенку, потому что он учитель Защиты (это тоже было смешно), и, кроме того, Люпин напоминал Квестусу кого-то, кого он не видел очень давно (что было еще более смешно).

Поэтому Квестус поговорил с Ремусом Люпином. Он прочитал почти все книги в библиотеке об оборотнях. Он читал и перечитывал параграфы, которые Ньют Скамандер, Эмеретт Пикарди и Александр Адамсон написали на эту тему. Он наблюдал за своими встречами с оборотнями в Пенсиве и снова и снова пытался увидеть Люпина в их глазах. Но ничего не помогало. Каждый раз, когда он разговаривал с Люпином, мальчик запутывал его еще больше. Квестус так многого не понимал в том, как работает разум Люпина, и с каждым разговором с мальчиком чувствовал себя все более беспомощным.

А что было во время наказания Люпина! Квестус до сих пор не мог этого понять. Почему Люпин так ненавидел себя, если верил, что у него есть человеческая мораль? Почему Люпин был таким нервным, но при этом имел смелость спросить Квестуса, считает ли он, что оборотней нужно казнить? Он был таким тихим, но все же случайно шокировал Квестуса очень сухим и слегка болезненным чувством юмора, которое Квестус слышал раньше только от одного человека, а Квестуса шокировать нелегко. И как только этот застенчивый и хронически нервный ребенок мог заметить его непреднамеренные манипуляции, а потом сказать ему об этом?

Хотя Квестус не очень хорошо знал Люпина, все, что он делал, казалось ему несвойственным, почти парадоксальным. Откуда эти всплески уверенности и моменты сильной ненависти к себе? Потому ли, что он был частью животного? Потому ли, что он был опасен? Или это была человеческая черта - просто часть его личности?

Квестус не был уверен, что когда-нибудь узнает это.

В любом случае. Сейчас было полнолуние, и Квестус хорошо видел его из своего кабинета: он смотрел на него, пил чай и читал эссе своих студентов всю ночь. В основном они были в нормальными, хотя и не отличались множеством деталей. Хотя, действительно, чего еще он мог ожидать от первокурсников? Большинство из них все равно были довольно тупыми. Дамблдор говорил Квестусу, что он слишком строго оценивает эссе первокурсников, но Квестусу было все равно. Он был учителем, а не Дамблдор, и он собирался поступать так, как ему заблагорассудится - даже если это означало завалить студентов, которые могли бы получить двойку от таких персонажей, как Слизнорт.

Он подошел к эссе Люпина - именно его он хотел прочитать, но приберег напоследок, чтобы

было на что посмотреть.

Как избежать укуса оборотня и что делать в этом случае, автор Ремус Люпин.

Креативное название, сухо подумал Квестус, если бы не неправильное форматирование. Он прочел первые несколько абзацев, и это была типичная информация. Квестус предположил, что Люпин пытается не выделяться. Шансов на это было мало. Квестус подозревал, что парень прекрасно знал, что его эссе будет самым интересным и внимательно прочитанным из всех. Не выходите на улицу в полнолуние... сверяйтесь с лунными картами перед выходом из дома... всегда носите с собой палочку... не ходите в уединенные места, например, в леса... не путешествуйте в одиночку...

Люпин добавил комментарий, от которого Квестус чуть не выплюнул свой чай. Это, конечно, потому, что путешествие с другом значительно снижает вероятность быть укушенным. Каждый человек, с которым вы путешествуете, уменьшает шансы быть укушенным вдвое, потому что, возможно, оборотень вместо этого набросится на одного из них. Наиболее полезно путешествовать с людьми крупнее и сильнее вас, поскольку большинство оборотней глупы и часто выбирают самого крупного из группы - того, кто, скорее всего, сможет дать отпор. Полагаю, все зависит от того, насколько человек готов пожертвовать своими друзьями ради собственного благополучия.

В официальных эссе не должно быть первого лица, а использование слова "это" без существительного после него не одобрялось. Не говоря уже о подмене местоимений. Квестус, конечно, снял бы баллы за все эти вещи, но, по крайней мере, информация была верной. Как всегда, очень хорошая грамматика (ну, для первокурсника)... а также сухое и нездоровое чувство юмора. Эта фраза удивила Квестуса - не потому, что была особенно смешной, а просто потому, что это было так неожиданно.

То же самое было и на последнем занятии по Защите. "Я не настолько глуп, чтобы быть первым, кого укусил оборотень", - сказал Люпин. Он почти привел весь класс в хаос, хотя они и не поняли тонкости его слов. И да, возможно, Квестусу не следовало ставить его на место. Он сделал это в качестве эксперимента, в основном - просто хотел посмотреть, как отреагирует Люпин. И результаты оказались (как всегда) неожиданными. Почему все шутки Люпина, связанные с оборотнями, были такими нелепо самоуничижительными? Это было смешно, решил Квестус. Очень смешно. Он продолжил чтение, на этот раз гораздо внимательнее, надеясь уловить еще одну шутку.

Боюсь, я не понимаю задания, профессор Квестус. Вы точно сказали на уроке, что нужно написать эссе на тему "что делать, если вас укусил оборотень". Было бы очень понятно, если бы вы использовали третье лицо ("что нужно делать человеку, если его укусит оборотень"), но второе лицо меня смущает. Если бы меня укусил оборотень, то это не было бы поводом для беспокойства. Полагаю, я бы присыпал рану порошком серебра и Диттани, обеспечил бы себе постельный режим, а потом резко отчитал бы себя за то, что вышел на улицу в полнолуние".

Затем эссе закончилось. Квестус фыркнул и сделал глоток чая. Это был хитрый способ увильнуть от выполнения задания. Он подозревал, что Люпин добавил эту фразу, потому что не

хотел пересматривать некоторые воспоминания, что в глазах Квестуса было раздражающей чертой. Но это было достаточно смешно и смело само по себе, чтобы Квестус не мог снять за это баллы, даже несмотря на то, что Люпин использовал первое лицо. Это было безусловно точно, и Квестус сам виноват в том, что использовал неправильную формулировку. Он решил снять Люпину мало баллов за неправильные переходы в первой части и очень длинные предложения, а также за несколько незначительных мелочей. Люпин был хорош в исследованиях (и явно знал все о теме; гораздо больше, чем сам Квестус), но в организации и написании эссе он был посредственным.

Ночь перешла в день, и Квестус увидел начало рассвета. Он представил, что Люпин сейчас трансформируется. Сегодня у Квестуса был почти выходной - только двойная Защита во второй половине дня. Четвертый курс. Этот класс, со стоном вспомнил Квестус, не имел ни малейших признаков ума. Меньше, чем у первокурсников, а это уже о чем-то говорит.

Вдруг он услышал, как открылась его дверь и раздался знакомый голос. "Джон? Мне нужна твоя помощь".

Квестус обернулся. "Помфри? В чем дело?" Разве она не должна была ухаживать за Люпином? По расчетам Квестуса, он трансформировался всего пару минут назад.

"Что это, по-твоему, такое?" огрызнулась Помфри. Ее голос становился все выше и истеричнее с каждым словом, которое она произносила. "Я не знала, к кому прийти - Альбус уехал, Минерва преподает, и я знала, что у тебя два окна. Прошлой ночью было полнолуние. Я знаю, что ты осведомлен; ты всегда следишь за ними".

"Так где Люпин?"

"В доме! В... В Визжащей хижине... Я пришла за зельями и за помощью, и я не знаю, что делать..."

Квестус закатил глаза. "Успокойся, Помфри. Это не очень хорошая манера поведения с больным, и ты не поможешь ему, если будешь паниковать".

"Замолси!" - сказала Помфри, и Квестус удивленно поднял бровь от ее резкого тона. "Ты не знаешь, каково это! Мне так надоело видеть это... Я не могу с этим справиться. В Больничном крыле есть еще одна девочка, которая выпила зелье, и ее нужно перевести в больницу Святого Мунго. Кто-то должен забрать ее. У меня не хватает людей, а он ранен, и я так растеряна...".

"Тогда иди с ней в больницу Святого Мунго. Я останусь с Люпином". О, это было идеально. Квестус никогда раньше не видел Люпина сразу после полнолуния; возможно, это удовлетворит его любопытство. Теперь он был действительно взволнован.

Помфри, похоже, не разделяла его настроения. "Нет! Я сделаю это. Ремус сегодня... очень ранен. Он требует много внимания..."

"Уверяю тебя: Я знаю, что нужно делать".

"Конечно, знаешь. Нельзя позволять частным ситуациям оставаться частными. Нет, ты должен взять девушку. Амелию Гарднер. Ей нужно идти. Иди и помоги ей. Я... вернусь и позабочусь о Ремусе..." Помфри немного задыхалась.

Квестус скорчил гримасу. Он знал мать Амелии Гарднер - она была аврором. Ему не хотелось снова сталкиваться с этой женщиной после увольнения. Это было просто неловко. "Нет. Ты ведешь себя не как обычно и расстроишь его. Ты принесешь больше вреда, чем пользы. Я помогу ему, а ты поможешь девушке. Это идеально. Вернись сюда, когда появятся ее родители, и позови меня, если понадобится. У меня большой медицинский опыт, полученный во время обучения в Авроре".

"Но... но он..." Помфри казалось, что она медленно теряет рассудок. "Хорошо. Пожалуйста. Извини."

"Не извиняйся без нужды. Ты говоришь как он".

Помфри позволила водянистой усмешке расплыться на её лице. "Хорошо. Я уже приготовила большинство зелий в Больничном крыле. Заклинание дезиллюминации по возвращении в замок... залечи худшее, прежде чем перевезти его..." Помфри сунула ему в руки две маленькие бутылочки. "Серебро и Диттани в этой, Кровоостанавливающее в этой. Я передам из больницы Святого Мунго дополнительные инструкции, когда успокоюсь и когда он... когда он вернется... о, что я делаю? Я веду себя так безответственно".

Квестус был склонен согласиться, но он не стал этого говорить. Не тогда, когда все складывалось как нельзя лучше в его пользу. "Я справлюсь. Все будет хорошо".

"Он без сознания. Он никогда не был таким раньше. Он всегда в сознании и сидит. Мне так жаль, я не могла его разбудить и..."

"О, хватит болтать, иди и отвези эту идиотку, которая выпила зелье, в больницу Святого Мунго. Постарайся успокоиться. Оборотни не склонны к самоубийству в полнолуние. Они никогда не убивают себя... что, к сожалению, зависит от оборотня. С ним все будет в порядке".

"Ты... ты не знаешь..." Помфри запнулась и покачала головой. "Вопреки моему здравому смыслу, все в порядке". Она вздрогнула и пошла обратно в Больничное крыло.

Квестус изучал две бутылки в своих руках. Он надеялся, что это поможет ему покончить с зудом в голове раз и навсегда.

Он подошел к Визжащей хижине и ткнул сучок у основания. Конечно, дерево застыло на месте. Это было интересно. Это была хорошая мера безопасности для защиты от людей, но он сильно сомневался, что дерево удержит оборотня, если дело дойдет до драки. Тем не менее, Квестус доверял чарам Дамблдора. Тощий мальчишка Люпин - оборотень или нет - никак не мог прорваться сквозь защитные чары самого Альбуса Дамблдора.

Квестус прошел по туннелю. Потолок был низким, поэтому ему приходилось пригибаться. Здесь сильно пахло кровью, и Квестус задался вопросом, насколько это беспокоило Люпина, чьи чувства намного превосходили человеческие. Надо будет спросить его позже.

Он вошел в хижину, и первое, что он заметил, была небольшая лужа крови, в которую он наступил. Это было прискорбно. Он огляделся. Пианино. Мебель. Глубокие прорехи в стенах и полу. Все было разорвано, красная набивка кресел покрывала пол, а на некоторых предметах мебели виднелись следы зубов. Люпин сделал это, подумал Квестус, слегка впечатленный, несмотря на себя.

Он посмотрел налево и заметил Люпина, который лежал в луже собственной крови и был совершенно без сознания. Квестус скривился и опустился на корточки. Мантия парня была насквозь пропитана кровью. Его волосы были рыжими и покрытыми коркой. Даже в бессознательном состоянии его брови были слегка насуплены в выражении боли. Квестус аккуратно закатал свои рукава. Это займет некоторое время.

Конечно, он видел и похуже. За время работы аврором он видел несколько очень неприятных проклятий. Он видел, как люди переносят то, что никто не должен переносить. Он видел кровь и раньше, конечно, в гораздо больших количествах. Это было тревожно, да, но в этом не было ничего нового. Волшебники могли выдержать гораздо больше, чем магглы. И Квестус, который ухаживал за многими своими погибшими товарищами-волшебниками в отделе авроров, точно знал, что делать.

Люпин был полностью хромым, но его было несложно передвигать. Казалось, он весит столько же, сколько пигмей Пуфф. Квестус удалил столько крови, сколько мог, чтобы было легче работать, залечил несколько ран, вправил несколько сломанных костей, а затем вылил несколько капель серебра и Диттани на каждую рану, которую смог найти. Это было удивительно: раны тут же затягивались. Описание Люпином эффекта было действительно верным.

Квестус продолжал свою работу, пока наконец не остался доволен. Люпин все еще был странного серого цвета и, казалось, лишился жизни, но у него все еще был пульс и он больше не был покрыт кровью. Из Квестуса получился бы неплохой целитель, подумал он. Он посмотрел на большую щель между досками стены, которая, казалось, напоминала окно, и увидел, что солнце находится довольно высоко в небе. Он снова закатал рукава, которые упали, пока он лечил Люпина. Теперь он гримасничал и стирал кровь с рукавов. Почему в волшебной одежде было так трудно работать? Маггловская одежда была гораздо практичнее для подобных ситуаций.

Он снова посмотрел на солнце. Пора было вернуть мальчика в замок, а там он сам разберется,

что делать дальше.

Как раз в тот момент, когда он поднимал свою палочку, чтобы дезиллюминировать их обоих, палец Люпина слегка шевельнулся. Квестус понял, что мальчик просыпается, и решил, что ему следует подождать несколько минут.

К сожалению, Джон Квестус не отличался терпением. "Оживи", - сказал он, направив палочку на Люпина, и глаза оборотня бесцеремонно распахнулись.

"Что... Профессор Квестус?"

"Ты удивительно догадлиа".

"Где... мадам Помфри? И что...? Кто...?"

"Я беру свои слова обратно. Ты не в сознании. Полнолуние было прошлой ночью; ты был без сознания, когда Помфри пришла за тобой. Ей нужно было отвезти другого ребенка в больницу Святого Мунго. Утро было напряженным, поэтому она поручила мне заботу о тебе". Люпин положил обе ладони на пол и перевел себя в сидячее положение. Квестус был должным образом впечатлен. "Я не думаю, что тебе следует так поступать, Люпин, но я позволю себе это. Только не говорите Помфри, что я тебе позволил; она хладнокровно убьет меня".

"Ладно, не то чтобы она могла меня остановить... тоже". Невнятная речь. Тяжелые веки. Квестус наполовину ожидал, что он снова потеряет сознание.

"Хм. Тебе вообще больно?"

"Нет". Люпин все еще выглядел немного озадаченным тем, что его целительница не пришла проводить его обратно в замок. "Онемение. Это... пройдет... пройдет. Этого... никогда не случается. Я не падаю в обморок. Я всегда... в... сознании".

"В сознании", - повторил Квестус, который по личному опыту знал, что этот звук трудно произнести, когда человек лишен крови. "Мы, наверное, должны вернуть тебя в замок, пока ты не лишишься чувств, тогда... Люпин?" Лицо Люпина изменилось в очень странное выражение.

"Слишком поздно для этого." Он прикусил губу. "Все в порядке, я в порядке... Онемение не... длится очень долго в любом случае. Я в порядке." Очевидно, что он был не в порядке.

"Лжец", - сказал Квестус. "Перестань кусать губу. Я не думаю, что ты можешь потерять еще больше крови". Люпин повиновался. Его глаза были закрыты, а руки яростно тряслись. Квестус решил, что он может потерять сознание в любую минуту. "Я не совсем уверен, как мне доставить тебя обратно в замок. Не думаю, что смогу левитировать тебя, пока ты так двигаешься. О, я могу оглушить тебя. Потеря сознания была бы хорошей альтернативой боли,

а? Давай, ложись, чтобы я случайно не впечатал тебя в стену..."

"Нет... Я могу идти", - пискнул Люпин.

"Нет, ты не можешь".

"Я могу", - настаивал он. "Я делаю это каждый раз. Помоги мне подняться."

"Поверь мне, на ногах ты долго не протянешь. Я уже видел подобное".

Тон Люпина стал немного более свирепым. "И я пережил их. Помогите мне подняться, я могу идти".

Этот тон застал Квестуса врасплох. "Хорошо. Хорошо." Он поднял Люпина на ноги, и тот оказался на удивление устойчивым. Квестус наложил чары Разочарования и повел его обратно в замок. Люпин что-то бормотал, но Квестус не мог разобрать. Люпин тяжело опирался на Квестуса и каждый раз, когда они поворачивали, издавал болезненный вздох. Его хватка на руке Квестуса была просто смертельной.

Квестус, опять же, был поражен. Он не был уверен, что терпимость к боли - это особенность оборотней или просто неизбежная черта человека, который проходит через это каждый месяц, но он не был уверен, что даже он, бывший аврор Джон Квестус, смог бы пройти весь путь через территорию Хогвартса до Больничного крыла после такой потери крови и травм. И он не ожидал, что это сможет сделать Люпин, который был маленьким, тощим и слабым и, казалось, не обладал достаточной силой воли, чтобы заставить себя идти через боль.

Квестус предположил, что ему, в конце концов, не хватает силы воли. Это было интересно. Квестус должен будет записать это когда-нибудь, когда его руки будут свободны.

Они вернулись в Больничное крыло, и Квестус, не задумываясь, отпустил Люпина, чтобы открыть дверь. Он услышал грохот, а затем удивленный вскрик. Упс. "Все в порядке, Люпин?"

"Нормально. Я зацепился за стену".

Квестус протянул руку и каким-то образом нашел плечо Люпина, которое почему-то было мокрым. Он привел его в кабинет Помфри и быстро наложил контрзаклинание. Лицо Люпина было очень бледным, что резко контрастировало с кровью на его руке, которая с ужасающей скоростью пропитывала его мантию. Люпин рухнул на кровать и начал тяжело дышать. "Прошу прощения".

"Перестань извиняться; это начинает раздражать. Ты же ничего не можешь с этим поделать. А теперь, как ты себя чувствуешь?"

"Живу мечтой", - сказал Люпин. "А вы?"

Это было снова: саркастическое чувство юмора, такое неожиданное и случайное. Две секунды назад Люпин извинялся за... ну, Квестус сам не знал за что. А теперь он отвечал на серьезный вопрос язвительным замечанием. Язвительным. Квестус фыркнул от собственной шутки, слишком поздно осознав, что, похоже, он смеется над Люпином. "Ничего подобного", - сурово сказал он, надеясь отговорить Люпина от мысли, что он считает бесчувственные, язвительные замечания смешными.

Так оно и было. Но это было уже не важно.

"Простите, сэр", - сказал Люпин, похоже, пытаясь проявить профессионализм. Что было забавно, поскольку Квестус только что видел мальчика, который, казалось, истекал кровью до смерти. Сейчас они не собирались добиваться профессионализма.

"Ложись и позволь мне зафиксировать твою руку".

Люпин так и сделал, а Квестус принялся за работу, закатывая его рукав. Рана была на верхней части руки, что объясняло, почему Квестус ее пропустил. Он заметил довольно большой след от укуса на плече Люпина, и ему стало любопытно, но он не думал, что получит прямой ответ, если упомянет об этом в данный момент. Он спросит позже.

Люпен снова что-то бормотал. "Они искали его с наперстками, они искали его с осторожностью; они преследовали его с вилами и надеждой; они угрожали его жизни железнодорожным пакетом; они очаровывали его улыбками и мылом..."

Что ж. Высказывать глупости во имя потери крови - это одно. Рифмованная и ритмичная чепуха - нечто совершенно иное. "Опять?" Он взглянул на Люпина, который перестал бормотать. Он снова упал в обморок.

Квестус ворчал про себя. Он не знал, как ему успеть на дневной урок, если Люпин будет продолжать терять сознание.

"Джон? Джон? Ты здесь?" Это был голос Помфри, доносившийся из камина. Отлично, как раз то, что нужно Квестусу: ханжа и слишком эмоциональная медсестра, доводящая его до полусмерти. Он подошел к камину и окинул ее презрительным взглядом.

"Я занят, Помфри".

"Мне действительно не следовало уходить. Родители девочки в Греции на отдыхе, и целителям не удалось с ними связаться. Я исполняю обязанности ее опекуна, и она очень расстроена. Я не могу оставить ее одну. Мне так жаль..."

"Прекрати. Прошло всего... сколько, двадцать минут? Мы в порядке."

"Ремус? Он..."

"В порядке. Абсолютно в порядке."

"Могу я поговорить с ним?"

"Он сейчас не совсем в сознании".

Наступила пауза. Глаза Помфри комично расширились. "Он был без сознания... все это время?"

"Нет. Очнулся, вернулся в замок. Полежал. Потом снова потерял сознание. А теперь, прости, мне нужно работать..."

"Это ненормально!" Помфри снова заходилась в истерике. "Он никогда не теряет сознание! Он всегда в сознании, когда я прихожу за ним, обычно он не может заснуть, пока я не дам ему что-нибудь от боли, а ты... Дал. Ему. Идти. до. больничного. крыла?!"

"Он сказал мне, что каждый раз возвращается пешком".

"Это не каждый раз! Он без сознания! Я сейчас вернусь и прослежу, чтобы ты случайно не убил его своим беспечным отношением! Он не обученный аврор! Ему одиннадцать лет!"

"Одиннадцатилетний ребенок, который может больше, чем большинство обученных авроров. Говорю тебе, Помфри, пока что я нахожусь под легким впечатлением".

"Мне все равно! Ты придешь сюда сейчас же, чтобы мы поменялись местами..."

"Ты сказала, что глупая девчонка в больнице и к тому жев смятении. Неужели я ей там нужен? Из всех людей? Я не могу помочь расстроенным людям. Я бы заставил их плакать. В этом году я уже заставил плакать нескольких семикурсников".

"Ну, я уверена, что Ремус тоже будет расстроен, когда проснется! У него, наверное, шрамы на всю жизнь останутся от того, что ты позволил ему вернуться с тобой в замок!"

Квестус хмыкнул. "Этот парень сильнее, чем кажется. Кроме того, он уже просыпался, помнишь? И он не был в смятении. Ну, не совсем. В основном растерянным".

"Мне плевать! Иди сюда!"

Квестус не собирался этого делать, и он точно знал, как перейти к сути дела и отстранить Помфри от него. "Ты думаешь, что с моей стороны будет разумно оставить Люпина одного, как ты это сделала сегодня утром?"

Молчание.

"Именно так я и думал. Я вернул коллег-авроров с того света. Я знаю, что делаю. И он в порядке. Так что расслабься, ради всего святого - я уверен, он не хочет, чтобы ты волновалась".

Помфри немного успокоилась, но выражение гнева не покинуло ее лица. "Ему лучше быть на ногах, когда я вернусь".

"Я уверен, что он будет. С моей помощью или без нее".

Помфри бросила на него последний подозрительный взгляд и вышла из камина.

Квестус потер переносицу и отправился к оборотню. Почему люди всегда должны усложнять простые вещи?

http://tl.rulate.ru/book/67209/1821985